

В какой школе учиться православному ребенку?

Оглавление

Размышления о школе и детях.....	2
Православное образование не должно быть образованием исключительно для православных	8
Как повысить воспитательную значимость школьного урока	19

Проблемы образования наших детей волнуют сегодня не только родителей и педагогов, но и всю церковную общественность. Где найти такую школу, в которой ребенок получил бы хорошее, образование и смог бы развить и укрепить свою душу? Как сохранить в душе ребенка веру и любовь к Церкви? Над этими вопросами в нашей книге размышляют священники, много лет занимающиеся православным образованием.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ШКОЛЕ И ДЕТЯХ

Новизна и необыкновенность православной школы в том, что эта школа — церковная, то есть имеющая в своем основании те принципы, которые заложены в жизнь самой Церкви, а конкретно — в жизнь прихода. Поэтому та школа, которая выросла из прихода, существует, органично входя в жизнь прихода, а та, которая возникла в стороне, даже если и окормляется сторонним священником, испытывает значительные сложности. Вероятно, дело не только в священническом руководстве, но и в той живой общинной ткани, которая составляется всеми взрослыми и маленькими прихожанами совместно с церковным клиром. Эта общность имеет своей основой Литургическое и молитвенное единение и пронизывает собой весь организм молодой школы.

* * *

Очень многие родители желали бы пристроить своих детей в хорошую школу, дать им христианское воспитание и образование, но при этом никак не хотят понять, что христианством нельзя «заниматься», христианством надо жить. Обычный аргумент этих родителей: нам меняться уже поздно, но мы хотим, чтобы у наших детей все было хорошо. И дети, действительно, на первых порах очень восприимчивы к Слову Божию, к богослужению, к молитве. Но если дома, в своей семейной реальности, дети видят, что их родители не придают никакого значения духовному, а то и открыто живут по-язычески, то рано или поздно такие дети начинают вести двойную жизнь и лицемерить.

* * *

Нельзя никогда и никому передать дело воспитания своего ребенка. Даже самой что ни есть православной гимназии. Взять на себя ответственность за воспитание — значит постоянно отдавать самого себя семье, детям, Церкви.

* * *

Сейчас в России существует несколько десятков православных школ. Они работают уже пять лет, а ведь такое простое дело не сделано — хотя бы наладить предметные олимпиады между православными школами. Или вечера для старшеклассников. Это очень важно для ребят — ощутить свою школу не одиноким островком, но частью большого единого целого, встретить еще кого-то кроме узкого круга одноклассников - других ребят, таких же православных, живущих сходными интересами и проблемами.

* * *

Похоже, мы слишком быстро похоронили советскую школу, радостно отряхнули ее прах с наших ног и совершенно не заметили того колоссального положительного учебного, методического, административного и даже воспитательного опыта, которым она обладала.

Многим кажется, что у нас все будет хорошо просто оттого, что мы все православные. Но реальность говорит об ином: возникает множество трудностей, специфичных именно для православной школы. Трудным, к примеру, оказывается вопрос поддержания дисциплины. Принцип семейственности, увы, может быть воспринят по-разному. Для одних — это особая ответственность и

духовное родство, для других — панибратская вседозволенность. Родительское настроение моментально передается детям. Дело может дойти до того, что на уроке дети перестанут обращать какое-либо внимание на педагогов, ходить по классу и т.д. Ну, а если, преподаватель не имеет особого педагогического опыта или совсем новичок, тогда могут происходить самые невероятные вещи. Ученик что-нибудь сделает, а учитель ему (с истинно православным «смирением»): «Прости меня, Христа ради!» Многие учителя, нужно сказать, стесняются дисциплинарных мер и решают начисто избавиться от таких непопулярных «советских» методов, как двойка за поведение, запись в дневник и вызов родителей, а вместо этого всячески «смирятся» перед детьми.

Дисциплина подрывается еще и тем, что православные родители по-своему понимают взаимосвязь церковной жизни и школьного распорядка, т.е. совершенно произвольно могут устраивать выходные своим детям по случаю того или другого церковного праздника.

* * *

Основная идея православной школы — уберечь детей от растлевающей обстановки в школах государственных, но, оказывается, немало опасностей поджидает нас и в церковном кругу. Дети воспринимают православную школу как место, куда их поместили, чтобы избавиться от всех проблем, в том числе и от учебы. Приходится преодолевать у детей и у родителей странный стереотип: для православного ребенка главное - читать по-церковнославянски и знать гласы, а что более того, то от лукавого. А если дитя рисует, особенно если не храмы и иконы, а город, еще что-то, тогда точно в прелести. А уж если стихи о любви пишет...

* * *

Когда приходится исключать за неуспеваемость, случается, родители начинают картинно возмущаться: «Как? Нам придется идти в эту ужасную государственную школу, где наш ребенок духовно погибнет? Вы ответите за это перед Богом!»

Словом, шантаж настоящий.

* * *

Мнение о том, что в государственной школе дитя непременно испортится, а в православной обязательно станет добрым и верующим, по меньшей мере нужно назвать наивным. На самом деле, в государственной школе многие дети проявляют себя гораздо лучше, чем в православной гимназии. В обстановке обычной школы ребенок сталкивается с необходимостью активно отстаивать и исповедовать свою веру. В ней он воочию видит те отличия, которые несут в себе дух мира и дух Евангелия. Жизнь по заповедям Божиим перестает быть для него абстракцией. А в православной школе он избавлен от этих проблем. Вера, за которую не надо бороться, которую не надо отстаивать, быстро приобретает оттенок обыденности и нарочитости. Особенно это касается детской веры, ведь душа ребенка особенно нацелена на динамику, экспрессию, героический пафос в жизни.

Получается, что, когда он учился в обычной школе, ему приходилось реально отвечать за свое христианство, бороться за него. В среде, далекой от Церкви и часто враждебной, он проявлял себя христианином. Там он молился перед уроками, в храм ходил, исповедовался, причащался, потому что страшно было. А здесь все очень хорошо, никто не трогает, все дозволено. Это значительная духовная и педагогическая проблема: как избежать охлаждения, как сделать, чтобы среда православной гимназии формировала детей как людей горячо верующих. И вот какие видятся решения.

Во-первых, взрослые должны допускать мысль, что не всем детям полезно обучение в православной школе. Вопрос, в какой школе учиться ребенку, рассматривать нужно более внимательно. Родители совместно с духовником обязательно должны разобраться в индивидуальных особенностях сына или дочери. То, что для одного является благом, для другого может оказаться во вред.

Во-вторых, взрослые должны постоянно заботиться о том, чтобы у детей в стенах школы было некое пространство для подвига, для выражения своих чувств и взглядов, для определенного положительного пафоса. Знание о духовных вопросах детям должно даваться вовсе не с той легкостью и запланированностью, с какой преподается им рассудочная информация. Для духовного роста недостаточно условий маленького православного парничка. Нужно некоторое напряжение, некоторое усилие, с которым дети постигали бы духовные вопросы. А то ведь мы читаем аскетические творения Святых Отцов, пытаемся их понять и воспроизвести в своей жизни, но совершенно упускаем из виду тот факт, что сами-то живем жизнью совершенно неаскетичной. Откуда у современного городского жителя может взяться верное понимание православного подвижничества, если, к примеру, воду в необходимых количествах всегда можно взять из-под крана, а отцам-пустынникам приходилось приносить ее с расстояния дневного пути? Понятно, что взятые из книги аскетические понятия будут восприняты ребенком на уровне чисто интеллектуальном и не будут связываться им со своим повседневным жизненным опытом. То духовное богатство, которое досталось Церкви кровью и потом ее мучеников и преподобных, наши дети в стенах школы получают с удивительной легкостью и безответственностью. Они могут подробно рассказать чинопоследование, растолковать Символ Веры, много рассуждают на евангельские темы, но в реальной жизни они совсем другие, они живут другим. Получается какая-то брешь между церковной молитвой, Причащением и тем, что реально наполняет их жизнь.

Духовный опыт должен даваться трудами. Вместо того, чтобы «проходить» «Блаженни милостивые...» на уроке Закона Божия, мы должны предоставить детям возможность оказаться в ситуациях, когда кто-то ждет от них милости или нуждается в их милосердии.

* * *

Хорошо воспитывать детей на житиях святых. Но нельзя требовать с них после этого исполнения прочитанного. Это такой уровень духовной жизни, на который запросто не взбираются.

* * *

Ступенька к духовной жизни — это правильно устроенная жизнь души, правильное эмоциональное устройство, которое потом приведет к устойчивой, трезвой, жертвенной духовной жизни. Нужны реальные, общие, интересные дела, в которых дети могли бы проявить себя как люди, которые не предадут товарища, которые помогают друг другу, прощают обиды. Нужны общие дела, которые помогут им сдружиться. А то ведь бывает так, что в классе всего 10 человек, но и те не ладят между собой. Даже нецерковные дети по сравнению с ними оказываются более открытыми и дружелюбными. А эти — «ангелочки» с виду, но иногда по отношению друг ко другу такие дикости допускают — просто диву даешься. Причем находят себе при этом «духовные» оправдания.

Мы должны постоянно искать общие для школы дела. Чтобы дети и преподаватели участвовали в детских театрах, студиях, в издании гимназической газеты или журнала. Это очень сближает, это становится моментом общего доверия, когда дети по-настоящему не боятся себя раскрыть. А закладывать в них духовные понятия, я убежден, лучше всего именно в такие моменты открытости.

* * *

У нас в гимназии издается журнал «Гимназист» и газета «Alma mater». «Гимназист» готовится тщательно, с участием взрослых. В нем много, так сказать, итоговых материалов — лучших работ учащихся и статей преподавателей. В газете — полный простор для творчества редакции, целиком составленной из числа гимназистов.

И вот чудо! «Alma mater» стала общим интересом всех ребят. Присылают записки с вопросами, устраивают анкетирование, полемизируют на ее страницах. В ученической среде газета превратилась в реальную силу. Ее с удовольствием читают, о ней спорят, с ее позицией считаются. К примеру, недавно на ее страницах появился фельетон по поводу найденной в стенах школы коробки от сигарет. На это ЧП редакция отреагировала примерно так: «Расследование показало, что к происшествию, скорее всего, имеют отношение ученики N-го класса. Наш вам совет: в следующий раз на сэкономленные от сигарет деньги покупайте корм для нашей общей любимицы — кошки Мурки». Возмущенные гимназисты N-го класса с шумом ввалились в редакцию и потребовали опровержения.

Значит, газета работает. Общее ученическое дело живет взаправдашней жизнью. Из таких-то общих дел и складывается доброе чувство, которое испытывают к своей Alma mater ее благодарные воспитанники.

* * *

В какой-то момент с горечью пришлось убедиться: в условиях большого города все наши заслоны и запреты для детей — пустой звук. По дороге из школы домой многие наши воспитанники заходили в ближайший магазин телерадиоаппаратуры и часами напролет заворуженно смотрели на десяток экранов с разными телепрограммами. Дома смотреть телевизор им запрещено. Представляете, они смотрели подряд все, что им показывали!

После того, как об этом стало известно, гимназия купила телевизор и видеоманитофон. Показываем ребятам добрые старые фильмы. В основном, смешные: «Белое солнце пустыни», «Бриллиантовая рука» и тому подобные.

* * *

Иногда говорят: «Вот, моя девочка, когда училась в обычной школе, была такая хорошая, все так было хорошо, а вот к вам попала, и за две недели или за два месяца стала такой и сякой. Что вы с ней сделали в вашей православной гимназии?»

Будто не помнят, как пришли в первый раз в храм и думали: «У меня все более-менее нормально, тяжких грехов нет», а потом, когда приступили искушения, ужасались: «Что же это со мной творится, откуда все это во мне взялось?»

* * *

Удивительно, но для того, чтобы научить ребенка христианскому прощению обид, для начала нужно, чтобы тот давал сдачи. Почему? Да потому, что по отношению к недерущемуся ребенку сложно применить понятие «прощение». Он никогда не мыслит отомстить в драке. Он отыгрывается в другом и на других. Он всегда и всех боится, а это столь сильные и глубокие чувства, что добраться до них и распутать этот клубок, в большинстве случаев, ни педагогам, ни психологам не под силу.

Создается некая видимость духовности, личина всепрощения, от которой мальчишке избавиться

бывает тем труднее, что он сам в нее поверил. А вот если он всегда давал сдачи, а тут вдруг не дал и даже более — попросил прощения, то в этот момент, быть может, он хотя бы на мгновение почувствует то блаженство, которое обещано Христом всем милостивым и миротворцам.

* * *

Еще один парадокс: пока ты не мужественный, прощать и любить ты не способен. Мужество, не будучи воспитанным, порождает явление-суррогат, столь свойственное нынешним детям, — бесстрашие.

* * *

Православное воспитание - что это такое? Существует ли система и методология воспитания православного человека?

По-моему, взрослым нужно задуматься над другим: почему мы ищем систему воспитания, откуда такое стремление? Может оказаться, что наша методическая жажда происходит от желания снять ответственность за воспитание наших детей с себя и спрятаться за методики. Стремимся заменить самих себя системой воспитания и утешаем себя тем, что эта система не простая, а православная. Пытаемся начитать книги по воспитанию детей столетней давности, влезть в кособоротку и лапти и стать русскими в духе XVIII или, на худой конец, XIX века. В число методик бываем готовы записать что угодно, даже Таинства, пост и молитву. Читаем в житиях описание детства святых: с другими детьми не играл, на улицу не ходил, конфет не любил, был тих, молчалив, любил уединенную молитву. Думаем: что же мне со своими делать? Шумно играют, любят сладкое, дерутся. Не по правилам. Как бы так сделать, чтобы и наши не смотрели телевизора, не любили мультфильмов, не жевали жвачку?

Идем и заказываем молебен. Вышли из храма, гора с плеч — ну, теперь сделали все, что могли. А отец Иоанн (Крестьянкин) в одной своей проповеди говорит: «Мать начинает молиться, она просит Бога о помощи, но не получает. Почему же? Да потому, дорогие мои, что нельзя возлагать на Бога то, что мы обязаны сделать сами... нужен труд, нужно духовное напряжение, надо всегда помнить о детях и о своей ответственности за них перед Богом. Отцы и матери! Одни без детей своих вы спастись не можете — и это надо помнить».

Православие — это не система, это жизнь в любви. И православным наше воспитание получается тогда, когда мы начинаем совершать его в любви.

* * *

Меня часто беспокоит напуганное, враждебное отношение детей к миру, ко всему, что нас окружает. Мир, в котором мы живем, кажется нам падшим, греховным, одержимым бесовской злобой, и он действительно такой. Но постепенно складывается мнение, что если мир идет к концу, то нам надо к миру питать вражду и бояться.

Но Церковь миру не враждебна. Это и отличает новозаветную Церковь от ветхозаветной. Мир воюет с Богом и Церковью, а наша задача ответить ему не враждой в духе Ветхого Завета («око за око, зуб за зуб»), но миром и молитвой за него. А о боязни Апостол Иаков так говорит: Ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви и целомудрия (2 Тим. 1, 7). И еще: Если Бог за нас, кто против нас? (Рим. 8, 31) Чувствуете отношение, с которым взирали первые христиане на образ сего преходящего мира? Ей, гряди, Господи Иисусе! (Откр. 22, 20) Они ждали прихода Христа, а мы, увы, более говорим о приходе Антихриста. Яркий пример псевдоправославного настроения.

Пишет раба Божия в редакцию «Православной беседы» о том, что детям на уроке в школе задали темой сочинения «Что бы я сделал, если бы был волшебником». — Вы только подумайте, какая удивительная тема! Какой простор для доброй детской души, чающей подарить что-то миру, поделиться с другими своей теплотой. Но что пишет эта ревностная не по разуму мамаша? Она с восторгом пересказывает тщательно воспитанную в дочери псевдодуховную и абсолютно недетскую реакцию: «Я не хочу быть волшебником! Все волшебники — колдуны, а колдовство христианам запрещено!»

О чем говорит в этот момент ребенок? Стойко исповедует свою веру? Да нет, это вовсе не та принципиальная исповедническая позиция, которую силится отыскать мать в словах своей дочери. Это совершенно безответственная, даже трусливая, реакция, облеченная во внешне благочестивую форму. Это приговор матери, отобравшей у ребенка его невинное детство. Понимаете, если сказать детям о том, что все волшебники — колдуны, а эльфы и гномы — бесы, то при этом нельзя достигнуть ничего другого, кроме как подорвать их душевные силы. От этого их идеалистическое детское видение мира мгновенно не изменится на взрослое. Просто в сознании будут разрушены их детские категории добра и зла, борьбы, преодоления, улучшения мира. Им станет просто лень что-либо придумывать, о чем-либо мечтать. Ну зачем, право, попусту тратить время, если волшебство возбраняется, а реальных возможностей нести радость в мир нет? То есть рассуждать-то они, возможно, станут и по-взрослому, а внутри души — пустота. Та пустота, которая по мере взросления скорее всего заполнится цинизмом, отрицанием на этот раз и маминых ценностей.

Мы пытаемся оградить ребенка от дурного влияния, и это правильно. Но в этом стремлении мы заходим слишком далеко — мы ограждаем ребенка вообще ото всех, и он остается совершенно один. Мы запрещаем ему дружить во дворе, в школе, и все это время стараемся пристроить ребенка туда, где он сможет дружить «безопасно». Так, в конечном итоге, мы доходим до православной гимназии, и, увы, здесь нас тоже поджидает разочарование: оказывается, что и здесь есть такие дети, с которыми ни в коем случае дружить нельзя.

* * *

Мы учим детей, что земная жизнь есть подготовка к жизни вечной. Но ведь подготовка, а не ожидание! Жизнь — это деятельность, созидающая и преобразующая работа. Иначе она становится похожей на томительно-напряженное ожидание в очереди к зубному врачу: «Боже мой! Когда же все это кончится!»

* * *

Наши дети панически боятся ошибок. Это наверняка происходит от непонимания ими сути греха. Они путают свои неизбежные на первых порах, «рабочие» ошибки с грехами и потому жить боятся. Расскажите им притчу о талантах! Дайте понять, что Господь не ждет от них с первых шагов какой-то по-особенному выверенной и безошибочной жизни.

Использовать таланты, отдав их в торговлю, — это риск. Риск ошибиться и потерять все. Но Господь отдает предпочтение именно такому рискованному решению, а не безопасной возможности зарыть имеющийся талант в землю.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ОБРАЗОВАНИЕМ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ПРАВОСЛАВНЫХ

Мы теряем еще одно поколение. Очередное поколение, которое воспитано уже без жестких коммунистических установок, поколение, взросление которого пришлось на то самое время, когда Церковь получила в России свободу говорить людям правду о Боге. И тем прискорбнее и больнее осознавать факт совершающейся потери.

Что такое православная школа сегодня? Какое влияние имеет христианство на детей и подростков в наши дни? Увы, никакого. Или, если быть точными, почти никакого, очень малое. Немногочисленные примеры православных гимназий и школ в крупных городах плюс сеть самодеятельных воскресных школ — вот и все, что приходит на ум, когда мы пытаемся проанализировать итоги. Но что такое православная школа на 120-150 учеников, одна единственная на огромный областной город, если в каждой обычной государственной школе проходят обучение до 2000 детей?! А ведь таких обычных школ по всей стране тысячи! Можно радоваться положительному опыту устройства нескольких московских православных гимназий, но от этого едва ли убавится горечи при взгляде на сотни тысяч детей и подростков, потерянных нами в дебрях многомиллионной Москвы.

Наша образовательная система как-то сразу утратила миссионерскую идею, как-то уж очень просто отказалась от своей просветительской роли в обществе, замкнулась на работе с детьми из воцерковленных семей, на задаче оберегания этих детей от мира. И даже эта задача часто приводит взрослых в тупик: дети уходят из гимназий и воскресных школ. Дети уходят из Церкви, предпочитая христианству те самые ценности, над развенчанием которых так долго и так много трудились батюшки и педагоги. Есть о чем серьезно задуматься. Действительно, если бы возможно было провести исследование среди обычных школьников, какими им представляются Православие и православные, как вы думаете, что бы мы услышали? Наверняка бы нас назвали старомодными, безнадежно отставшими от жизни людьми, постоянно морализирующими и назидаемыми, живущими какой-то мрачной безрадостной жизнью с одними только постами и поклонами. А что означает этот ответ? Он наглядно показывает, насколько скучна и неэффективна выбранная нами форма проповеди, насколько далекими остаются от детских сердец все наши призывы. Случается даже обратное: именно она, эта наша неумелая проповедь часто становится для человека главным препятствием ко вхождению в Церковь, главным основанием для того, чтобы мнить христианство, эту великую жизнерадостную и жизнеутверждающую силу, жесткой догмой, лишенной жизни и радости.

Миссионерство в современном мире — это совершенно особая задача. И проповедь в современном мире — это совершенно особый жанр. Есть разница между твердым исповеданием христианином своей собственной веры и тем, как обращать в эту веру других. Поступались ли своей верой Апостолы и Святые Отцы, стараясь для всех сделаться всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых? (1 Кор. 9; 22) Прекрасные образцы христианской проповеди преподносит нам Священное Писание. Апостол Павел, хоть и возмутился духом при виде языческих Афин, все же нашел в себе мужество и силу говорить с афинянами на понятном и принимаемом ими языке. Апостолы Петр и Иоанн перед народом иудейским начинают свою речь не с обвинений и обличений (хотя такое преступление как распятие Христа, казалось бы, требовало обвинять и обличать богоубийц), но с напоминания об особой близости израильского народа к Богу, об особой причастности к Завету с Господом каждого из них. Посмотрите, как снисходителен и мягок голос Апостола Петра перед лицом тех, кто предал Сына Божия на поругание и смерть: *Впрочем я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению.* (Деян. 3; 17).

Так проповедовали не только в раннехристианские времена. Пример того же снисхождения к положению заблудших являет нам великий подвижник XX века святой Силуан Афонский, советовавший в разговоре одному миссионеру, работающему в восточной стране, сперва хорошенько изучить религиозные представления тамошних жителей, поприсутствовать на богослужении, всем своим поведением свидетельствуя почтение к их традициям, а уж затем приступить к кроткой беседе, с уважением слушая своих собеседников и обращая особенное внимание на моменты совпадения их взглядов с христианством. Бедняга миссионер бывал крепко бит за то, что в языческом святилище учинял крик и беспорядки, выражая таким образом свое негодование, но продолжал раз за разом поступать так же и дивился упрямству и неподатливости язычников. Вероятно, он даже втайне гордился своими побоями, воображая, что пострадал за Христа и Его слово, хотя в действительности сам являлся единственной причиной неуспеха своей проповеди.

И эта история, к глубокому сожалению, как нельзя лучше отражает состояние миссионерской работы в России сегодня. Похоже, мы все стремимся быть «православнее» Апостолов и Святых Отцов, а когда бываем биты, почитаем это за положительные результаты своего служения. В церковной среде стало неписанным правилом публично клеймить все антихристианские проявления. По этой ревности даже судят о «церковности» и «духовности» православного. Редкая книга, редкая газетная статья, редкая проповедь обходиться без критики безбожного современного мира и сетования на трудности жизни в нем. Возникла своеобразная православная мода на разоблачение язв и пороков общества. Но что же предложили мы, православные, этому самому обществу, и детям в частности, за все годы легальной церковной деятельности? Какую альтернативу нашли мытой потребительской философии, которая с шиком и блеском подается нам с Запада?

Давайте объективно посмотрим на дела рук своих. Взять хотя бы воскресные школы. Могут ли по-настоящему удовлетворять религиозное чувство ребенка, а тем более духовно воспитать его те 2-3 часа занятий в неделю, которые отводятся в воскресной школе на изучение Закона Божия или Священной истории? А ведь именно таким образом строится работа большинства воскресных школ. Нелишним было бы изучить мотивацию детей к таким занятиям. Это еще нужно понять, хочет ли сам ребенок заниматься в такой воскресной школе, стал ли бы он ходить в нее, не напирай на него родители сзади? Думаю, во многих случаях ответ был бы отрицательным. А если так, то не должно быть и наивного умиления по поводу того, что дети каждое воскресенье сидят на занятиях. Такая школа едва ли отвечает своим образовательным задачам даже по отношению к детям из православных семей.

Это заставляет православных священников и педагогов искать новые просветительские и воцерковительные подходы, более открытую миссионерскую концепцию устройства православного образования. Конечно, на этом пути встречаются многочисленные трудности. Образовательная структура, где есть и верующие, и неверующие дети, внешне представляет собой совсем не ту сентиментальную идиллию, к которой столь часто стремятся православные взрослые. Таких детей враз на общую молитву не поставишь и к исповеди хором не поведешь. Наверняка потребуются задействовать какие-то более общие для всех детей механизмы интереса, более гибкую и лояльную по отношению к невоцерковленным ученикам систему приоритетов и ценностей. Возможно, придется привлечь к работе невоцерковленных или маловоцерковленных педагогов. Словом, отличия от принятой сегодня катехизационной практики будут очень существенными. Но признаемся честно: без этого не обойтись, даже если мы будем иметь дело с детьми только из самых воцерковленных семей на свете. Незачем думать, что абсолютно все дети из таких семей как-то по-особенному возвышены и духовно настроены от рождения. Что такое детская вера и как она соотносится с верой взрослых, до конца не знает никто. А значит, мы должны быть готовы к тому, что в самый неожиданный момент любой из наших подопечных, даже самый внешне благополучный, может «уйти в отрыв», предпочтя всем нашим воспитательным усилиям свободу в ее современном понимании.

Приходит как-то, к примеру, одна из девушек ко мне и заявляет:

— А у меня парень — бандит. Как Вы думаете, это нормально?

— Как «бандит»? Что «нормально»? — не сразу соображаю я от неожиданности.

— Ну. он ездит по разным фирмам, помогает людям долги вернуть, вопросы разные решить (это он ей про себя такую робингудовскую байку рассказал). Как Вы думаете, у нас с ним что-нибудь получится?

Смотрю я на нее и думаю: спрашивать-то ты спрашиваешь, но по лицу видно, что влипла ты в этот роман по уши. Как тут тебе что объяснишь? Все равно не поверишь и не послушаешь. Слава Богу, что с такими новостями вообще решилась прийти к священнику за советом.

Вот и говорю:

— Да, это тебе решать, твое право выбора любимого. В принципе, из истории такие примеры известны. Так было в Америке, например, в период «первоначального накопления капитала», еще где-то. Сперва они бандитами были, потом, глядишь, во втором или третьем поколении, — нормальными людьми стали. Банкирами какими-то, промышленниками. Так что решай сама.

И вот такая история сегодня может произойти с любой, даже самой церковной девушкой. Мы не можем изолировать ребенка от мира. Увы, приходится признать, что «неотмирных» детей в наши дни единицы. Пожалуй, со мною согласятся все практикующие педагоги, что таких ребят видно с самого начала обучения. Это может быть один ребенок на группу или класс, в лучшем случае 2-3. Остальные же, даже находясь в самом строгом православном учебном заведении, будут в той или иной мере придерживаться мирских «правил игры», поддерживать активные контакты с невоцерковленными подростками вне стен школы, нести элементы этой чуждой христианству идеологии в самые стены школы. Из всего этого может составиться целая жизнь. Вторая, тайная жизнь подростка, о которой ни родители, ни педагоги до поры до времени не будут догадываться, и которая действительно заявит о себе лет в 14-16 охлаждением к вопросам веры и Церкви, а возможно даже большим — полным и устойчивым неприятием всего христианского и церковного. Именно о таком обучении митрополит Антоний Сурожский как-то заметил: «Я стал православным не благодаря Парижской семинарии, а вопреки ей».

Поэтому хотелось бы поделиться некоторыми выводами из той работы с детьми, которая на протяжении нескольких лет практикуется в небольшом российском городке Конаково, рассказать о применяемых нами способах устройства педагогического дела и некоторых результатах такой деятельности.

Задача, которая стояла перед нами, небольшой группой православных, была чрезвычайно сложной. Конаково — город наиобычайший во всех отношениях. К традиционной для российской глубинки проблеме массового пьянства с началом перестройки добавились не менее сложные коммерческо-мафиозные проблемы. «Естественная профориентация» подростков таким образом стала заключаться в двух основных альтернативах: водка или наживание денег.

Малый российский город - явление очень жестокое. Он ставит детей едва ли не в полную зависимость от неписанных законов дворовой жизни. Двор здесь означает все. Двор определяет все. От двора никуда не скрыться. Двор в малом городе — это даже не авторитет в том смысле, который придают дворовой атмосфере в крупных городах. Это образ жизни, это некая данность. Если в крупном городе для ребенка возможно не знаясь с дворовыми сверстниками и ездить через полгорода в какую-то особую школу с французским уклоном, то в малом городе такое просто невозможно. Для провинции нужны особые подходы. Основной опыт религиозного воспитания сосредоточен только в центрах — Москве, Петербурге, Новосибирске. И этот опыт касается только этих городов. Процессы, которые происходят там, совершенно не показательны для России в целом. Особенно в Москве, где без труда можно отыскать необходимое количество приверженцев самой экзотической религиозной системы и

составить из них клуб или воскресную школу.

У нас, в Конаково, все наоборот. Здесь все как на ладони, и нам в своей работе с этим приходилось и приходится считаться. Вероятно, в силу этого нам не удалось при построении своей педагогической работы отделаться полумерами и создать некую рафинированную и малочисленную православную структуру. У нас из этого просто ничего бы не получилось. Требовались принципиально другие, более радикальные решения.

Начало нашей работы было обычным. При приходе была создана воскресная школа для детей и взрослых, а также мы стали налаживать контакты со школами и пытаться ввести в них религиозно-педагогические курсы. Занятия проходили вяло, приход пополнялся очень слабо. В школах мы встретили совершенно открытое сопротивление. Не раз и не два священники бывали изгоняемы из школ. Воцерковления педагогов тоже не произошло. Хотя в конце концов вместе со школами удалось сделать несколько проектов, особого воодушевления от этого в педколлективах мы не почувствовали. Да, учителя стали иногда заходить в храм, но только как частные лица, а на работе они себя вели совсем по-другому. Даже если у преподавателя возникало начальное желание вместе поработать, то через некоторое время, через 3-4 занятия становилось понятно: начатое дело не выживет — энтузиазм сошел на нет. В чем причина трудностей работы в государственной школе? Вопрос сложный. По-моему, дело в чрезвычайно жесткой, безжизненной системе государственной школы. В этих условиях ничто новое просто не удерживается. У педагогов — сильный посткоммунистический синдром. Они панически боятся принять какую бы то ни было новую идейную основу. Слишком сильны в памяти воспоминания о перестроечной растерянности. Поэтому государственная школа изо всех сил делает вид, будто никаких изменений не произошло, все остается по-прежнему. Но время-то идет! Меняется жизнь, меняются ученики. А школа за изменениями не поспевает и потому мало-помалу складывает с себя воспитательные полномочия и оставляет за собой только обучение детей. Эта безвоспитательная позиция взрослых, разумеется, только на руку ученикам-подросткам и всячески приветствуются ими. Оба лагеря таким образом оказываются объединены сильным общим интересом (вернее, отсутствием общих интересов и успокоенностью по этому поводу), и такое положение вещей выдается за нормальное. Новая неписанная идеология государственной школы — это идеология индивидуализма, которая со тщанием оберегается и учениками, и преподавателями. Священник, появляющийся у порога школы, оказывается неуютен всем. Его задача противоположна общешкольным настроениям. Он хочет разбудить совесть, а для людей, непривыкших к самокопанию, это очень и очень неприятно. И даже если от религиозно-педагогического курса не удалось избавиться сразу, то постепенно все обстоятельства сложатся таким образом, что вынудят батюшку отказаться от своей затеи и уйти*.

Это было время, когда Церковь только что получила возможность вести широкую работу с людьми. Но постепенно первоначальное любопытство к вопросам религии как к ранее недозволенному сошло на нет, и нам пришлось всерьез задуматься о том, как продолжать работу дальше. Совершенно очевидной стала необходимость что-то серьезно менять.

Прежде всего стали думать: что может составить внутреннюю жизнь новой деятельности, чем такая работа может питаться изнутри? Старались проанализировать, что происходит при создании православной школы, воскресной или церковно-приходской, какие ошибки и внутренние противоречия приводят к тому, что жизнь уходит из школы.

* Это сказано не потому, что работу со школами я считаю ненужной; мы и сегодня продолжаем там работать. Но нельзя обольщаться относительно перспектив такой работы и возлагать на нее излишних надежд. По моему мнению, отказываться от сотрудничества со школами возможно только в одном случае. Если найдены иные подходы для работы с детьми, если есть возможность создать нечто вне школы и таким образом предоставить детям альтернативные образовательные возможности. Время показало, что сделанный нами выбор в пользу внешкольных форм работы оказался совершенно верным. Со временем в школах к православным стали относиться совершенно иначе, стали сами идти на контакт, признавая силу и жизненность наших начинаний.

А чаще всего бывает так: собираются взрослые, учителя какие-то и говорят: давайте создадим нашу, православную школу, совсем не такую, как обычная! У нас все будет по-особому — все мы братья во Христе и потому будем друг друга любить. Будем учиться пению, рисованию, танцам, еще не знаю что. При этом совершенно не ставится вопрос, как мы будем это делать: хорошо или посредственно. Взрослых это как бы не волнует, они собрались не ради лавров, а для того, чтобы быть вместе, получить возможность работать среди православных и заниматься чем-то безусловно благим и духовным. Лавры и достижения, напротив, оказываются презируемыми и вменяются в ничто. В этом как будто проявляется некая особенная церковность и духовность устроителей школы. Но что на самом деле происходит в этой ситуации? В этой ситуации взрослые создают площадку для проявления своей церковной активности. Они создают школу, по сути, для себя, а не для детей. То есть на точку зрения детей никто встать не пытается. Для детей-то вовсе не это важно. Их интересуют совершенно другие вещи. Пока у них нет своего духовного опыта, своих проб и ошибок, никто из них не задается целью уйти в затвор. Напротив, мир их очень и очень интересует. Все внутренние познавательные механизмы, заложенные в человеческую личность от рождения, требуют овладения все новыми и новыми сторонами жизни. Так что в применении к детям задача православной школы выглядит совершенно иначе — школа должна предоставить детям, насколько это возможно, более положительную и духовную систему жизненных ценностей, достижений, точек приложения талантов. И мало того, чтобы эти ценности были положительными и духовными. Необходимо, чтобы они одновременно с этим были социально значимыми, то есть признавались другими. Для детей и особенно подростков это исключительно важно. И открепиваться от социальной значимости воспитательного процесса — значит закрывать глаза на очевидные вещи. Православное образование просто обязано строиться на такой деятельности, которая позволяет воспитанникам ощущать нужность и важность своих занятий даже в среде людей неверующих. Это очень важный момент, и я хотел бы обратить на него внимание. Не нужно говорить, будто абсолютно все, что социально значимо, сугубо безнравственно и никуда не годится. Это вовсе не так. Даже в современном обществе это, к счастью, пока еще не так. К примеру, обретение профессиональных навыков не может быть названо ни бесполезным, ни безнравственным. Во все времена христиане жили и трудились в обществе, и от них требовалось, чтобы они умели делать свое дело хорошо. А значит и мы должны спросить себя: как мы собираемся делать то или иное дело? Создаем хор? Отлично! Но, приступая к его созданию, будем помнить о том, что мы несем полную ответственность за то, если какой-нибудь детский светский хор на каком-нибудь фестивале профессионально исполнит «Ныне отпускаеши...», а мы на этом концерте будем лишь беспомощно бляеть. Ведь у детей волей-неволей возникнут сомнения: «А зачем мы это делаем? А нужно ли этим заниматься, если мы не можем делать дело на таком же уровне, как вот эти наши сверстники?» Если это произошло — жди беды. Сначала дети, а затем и взрослые постепенно начнут ощущать внутреннюю пустоту такой школы. И чем жить такой «школе во имя взрослых» после этого? Умиление проходит быстро, даже между взрослыми со временем возникают какие-то трения и сложности. А что дальше? Школа оказывается в тупике, она теряет ощущение, откуда брать силы и вдохновение. Вполне понятно, почему в таких условиях возникает упор на зубрежку. Просто другого выхода нет. Зубрежка создает видимость непрерывной занятости, непрерывного процесса. А что остается от веры? Библейская история и еще некоторый налет якобы религиозной сентиментальности? Вот в такой ситуации можно совершенно уверенно сказать: такая школа будет для детей обременительна и бесполезна. Они будут ходить туда только потому, что сзади подпирают родители, а за пределами школы и родительского надзора станут жить совсем другой жизнью. Вот он, плод «умного и взрослого» подхода к вопросам детской жизни — двуличие детей в отношениях с Богом и людьми.

Почему я так резко говорю об этом? Да потому, что мы со своей воскресной школой в определенный момент оказались в том же положении. Что было нам делать как руководителям этой школы? В определенный момент пришлось сказать себе: все, хватит этой сентиментальности. Если мы

хотим заниматься хоровым пением, то наша задача — преодолеть посредственность и войти в круг профессиональных певческих коллективов. Капелла мальчиков и капелла девочек из Дубны, хор Жуковского или хор Попова — вот это наши эталоны. Эталоны, конечно, не в духовных вопросах, а в профессиональной деятельности. Это был очень трудный шаг, очень трудное решение — выйти с детьми за рамки обычной катехизационной практики, и войти в мир светских профессиональных ценностей. Предполагая в глубине своей работы духовные цели, во всеуслышание заявить об ориентации на вполне земные успехи. Из двух зол пришлось выбирать меньшее. Увы, абсолютного выбора между добром и злом современная жизнь нам не предоставляет. А значит руководитель коллектива, как священник, как человек имеющий определенный духовный опыт, должен отчасти принять мирские «правила игры», чтобы, играя по ним, оторвать детей от дворовой среды и заинтересовать новыми для них возможностями.

Что может привлечь ребят к занятиям в нашей школе. Престиж? Известность? Хорошо, мы будем стремиться выйти на международный уровень, увлечь ребят возможностями поездок, экскурсий, наград на фестивалях. Только в этом случае дети будут приходить к нам. Это нецерковные дети. У этих детей совершенно нецерковные семьи, более того — трудные семьи, в которых отец пьет или его вообще нет. Кроме сладкого пряника ничем другим этих детей удержать невозможно. Если мы будем собирать их раз в неделю и по 3-4 часа говорить о Церкви, то они просто разбегутся. Но мы можем поступить иначе — мы можем закладывать в них духовные понятия параллельно с теми занятиями, которые вызывают в них усердие и интерес.

В чем выразилась эта концепция организационно? Мы не стали создавать православную школу как некую оторванную от жизни маргинальную структуру на 10-15 наиболее стойких в церковном отношении семей. Мы искали те возможности, которые были бы направлены на работу преимущественно с нецерковными детьми и семьями. При этом исходили из того, что уже имелось в Конаково: кружки, студии, спортивные секции. Изучали, каков профессиональный уровень этой деятельности, пробовали найти общие точки с руководителями этих коллективов. Наша образовательная деятельность таким образом разделилась на несколько предметных направлений: хоровое пение, рисование (иконопись), керамика и др. и в таком виде перекочевала под крыши существовавших в городе детских творческих структур. Со временем появились и новое - центр детского творчества «Новая Корчева» (ныне крупнейшая в городе детская творческая структура), вечерний хоровой лицей мальчиков и детская художественная школа с иконописным классом. Православное обучение и воспитание таким образом оказались как бы растворенными в профессиональной деятельности, но все же остались достаточно влиятельными для того, чтобы отвечать задачам просвещения и воцерковления ребят.

Конечно, в первое время наиболее сложным было наладить контакты с педагогами. Не все хотели впускать Церковь в свою деятельность, личное отношение к вере было очень разным. Но какой-то интерес в них все же теплился. Встречались, беседовали, как с любыми другими людьми, которых, в принципе, заинтересовала Церковь, и они не прочь узнать о вере немного больше, чем знают. Старались действовать мягко: ни в коем случае не огорошивали с ходу неожиданными предложениями о духовном руководстве коллективом, не требовали сразу же от людей какой-то особой воцерковленности в жизни и работе. В этом состоит очень частая ошибка нынешней православной школы. Боятся ввести в свой тесный педагогический круг, где каждый доволен друг другом, невоцерковленных педагогов, а в результате школа теряет, во-первых, профессионалов, способных организовать по-настоящему глубокую предметную деятельность, а во-вторых, детские коллективы, которые уже занимаются с этими педагогами.

Для начала совместной работы нам было достаточно сочетания двух факторов: профессионализма педагога и неотрицания им возможности участия Церкви в занятиях его коллектива. А уж моя задача как священника, как духовного руководителя состояла в том, чтобы постепенно закладывать в

деятельность хора или секции духовные основы[†].

А представьте, что было бы, если бы мы заняли «строго православную» позицию, если бы выбрали очень жесткую концепцию отбора и обучения детей в нашем православной центре. Что произошло бы с таким ребенком? Его просто начали бы травить. Не дразнить, это слово слишком мягко и неточно передает суть дела. Именно травить! В этой ситуации взрослым проще всего сказать: «Христос терпел и нам велел». Сами-то мы всегда ли терпим? Нет, мы бежим от сложных отношений. Уходим с работы, стараемся разъехаться в разные квартиры с неверующими родственниками. А если так, почему требуем от ребенка того, чего сами понести не желаем?

Взрослые, особенно педагоги воскресных школ, обязательно должны думать о том, что происходит с ребенком, когда тот идет в свой класс. О чем они там говорят? — Об очередном боевике или сериале, о новостях популярной музыки. И это каждый день, на каждом шагу. С этим ничего нельзя поделать. По крайней мере, ничего нельзя поделать запретительным способом, это уж точно. И музыка, и картинки, и разговоры — все это вокруг них. Потому каждый педагог обязательно должен иметь в виду, что его воспитанники находятся на положении пленных. Они взяты в плен миром. А значит, работая с ними, педагог обязательно должен это знать, то есть должен входить в их положение и отчасти тоже чувствовать себя стесненным в средствах воспитания. Можно даже сказать, что он должен добровольно войти в этот плен. Разумеется, не духовно, а инструментально — духовно педагог всегда должен оставаться свободен, и даже принимая мирские правила игры, все же он должен быть несколько выше ситуации.

А что делает мудрый человек в плену? Он не рвется через колючую проволоку, не митингует, не ударяется в тоску, не сетует на своих надсмотрщиков и конвоиров. Оказываясь в пленной ситуации, он садится, осматривается вокруг и говорит: «Так, будем устроиваться и жить здесь». И начинает действовать в рамках своей стесненной свободы. Ее-то, на самом деле, хоть отбавляй, особенно для духовного движения. Никакие внешние рамки не могут в духовном смысле человека стеснить по-настоящему. Случались целые периоды в истории, когда вся Церковь жила на пленном положении. Самый яркий пример — большевистское государство. Да, были приставлены уполномоченные по делам религии, тысячи верующих погибли, а некоторые церковнослужители сломались, но жизнь-то церковная была! Была благодать, были Таинства, была пастырская работа! Все было!

Так вот, не нужно думать, что с уходом коммунистов в положении Церкви в обществе что-то сильно изменилось. Происходит то же самое, и мне, как священнику и педагогу, это хорошо видно. Общество находится в идеологическом плену. На сегодня это плен у секулярного западного мышления, у достижений научно-технического прогресса, у культа тотальных наслаждений. Просто один плен сменился другим, но с точки зрения миссионерской и воспитательной еще не известно, какой из них легче и безопаснее для души. Поэтому важно понимать эти законы пленной жизни. Нужно считаться с сегодняшней реальностью, особенно в работе с малоцерковными людьми. Не нужно постоянно стонать по поводу телевизора и кинопроката. Чего мы хотим от телевизора? Чтобы по всем каналам непрерывно транслировалась одна только Литургия святого Иоанна Златоуста? Да он не к тому изначально предназначен. Откуда в нем взяться святости?

Для чего я обо всем этом говорю? Уж, конечно, не для того, чтобы христианин опустил руки и примирился с происходящим. Нет! Но православным родителям и педагогам необходимо осознавать, что каждый ребенок варится в настоящем котле страстей. Он уже туда попал. Попал еще до того, как нам, умным и воцерковленным, пришла в голову мысль наставлять его на путь истины. Понимать это не означает питать пристрастие. Это означает действовать с учетом уже имеющейся ситуации. И тогда

[†] На практике оказалось, что религиозные взгляды самого педагога со временем сильно менялись, и он, ошущая реальную помощь, просто на глазах становился верующим. А коллектив, обретя духовную поддержку, начинал демонстрировать более высокие профессиональные результаты.

протест и критиканство как рукой снимает, напроочь пропадает желание разоблачать на каждом своем шагу безнравственность современного общества — все это только уводит от сути дела, человек перестает чем-либо заниматься помимо разоблачений. Зато возникает другое видение вопроса: значит, нужно, во-первых, построить работу таким образом, чтобы центр имел в городе статус и, во-вторых, считаться с тем, что голова каждого ребенка буквально напичкана всяким голливудским и плэйбоевским хламом. Зачем православному центру общегородской статус? Для того, чтобы дети сами стремились заниматься у нас. Чтобы сверстники, которые не ходят к нам заниматься, все же имели уважение к нашим подопечным. А за что уважать? Уж, конечно, не зато, что мы хорошо молимся. Мирскому человеку, чтобы уважать наш центр, необходимо знать, что мы имеем статус школы ЮНЕСКО, что мы ездим за границу, что мы выступаем на международном уровне. Только в этом случае будет уважение. Нас можно не любить, не разделять наших взглядов, но травить тех ребят, которые занимаются в нашем центре при таком развитии ситуации никому просто в голову не придет.

Однако может показаться, что при таком подходе к работе с детьми духовная составляющая может совсем потеряться и деятельность полностью перетечет в светское руло. Что ж, опасность такая есть, но где сегодня найти пути на 100% безопасные? Не вдаваясь в абстрактные рассуждения, попытаюсь объяснить, в чем может состоять религиозный подтекст занятий, к примеру, детской хоровой студии.

Когда хор занимается подготовкой новой программы, в число занятий мы включаем и духовные предметы, духовные беседы. Дети разучивают и поют литургические песнопения[‡], хор часто поет в церкви, а время от времени мы даже проводим особые «детские литургии». Детские — не значит игрушечные. У Престола стоит священник и вся литургия совершается строго по чину, однако в этот день в храме присутствуют только дети. И все послушания по храму выполняют дети. И проповедь священник готовит специально для детей. На ребенка это производит совсем иное впечатление, чем обычная служба, где он никак не может найти себе места в толпе взрослых. И наконец, все дети, достаточно давно занимающиеся у нас, постепенно входят в церковную жизнь через Таинства. Большинство из них регулярно исповедуются и причащаются.

То же и во время поездок. Куда бы мы не ехали, в программу поездки мы обязательно включаем пение на литургии. Связываемся с епархиями, просим благословения у местных архиереев петь на службах. К примеру, на «Бориса и Глеба» мы пели на литургии в Мурманске, потом ездили в Германию в Оснабрюк и, конечно же, пели в небольшой сербской православной церкви. Даже находясь в Лурде, центре католичества во Франции, мы, по благословию Святейшего Патриарха, служили там православную литургию. Брали с собой антиминос, просфоры — словом все, что необходимо для ее совершения. Таким образом, любая поездка, пусть даже на светский фестиваль, приобретает духовное содержание.

Дети сами хотят заниматься в таком центре. Они сами хотят участвовать в наших мероприятиях, ездить с нами, добиваться профессиональных результатов. И мы их совершенно честно предупреждаем, что для этого им необходимо серьезно трудиться над собой. В том числе и духовно трудиться. Вот тут-то и происходит первая встреча ребенка с понятием духовного, но это случается совсем по-иному, чем в обстановке типовой воскресной школы. Ребенок понимает, зачем ЭТО ему нужно, чем ЭТО ему поможет! Он видит ЭТО в реальности, через предмет своих занятий. А каков предмет занятий в воскресной школе? Встретились взрослые и из своих религиозных побуждений решили воспитывать детей.

Один старец сказал: «Сейчас такое время, что учить не нужно. Нужно показывать». Так вот, не нужна детям эта нарочито-подчеркнутая религиозность педагогов, не нужны потоки высоких слов и знание наизусть катехизиса. В особенности это нужно помнить в работе с нецерковными детьми. С

[‡] Это поистине уникальное воспитующее средство, используя которое можно без лишних слов передать детям понимание молитвы и навык к ней. Другими средствами опыт такого рода детям, пожалуй, и не сообщить.

ними необходимо избегать даже имя Христа упоминать часто. Нужно показывать им Христа из контекста занятий. И то, что они уже давно ощущают в своей работе интуитивно, назвать своим именем — Христос, может быть, всего однажды. Всего однажды, но в такой момент, в который это имя будет для них как гром среди ясного неба. Эта встреча детской души с Богом и есть кульминация в работе педагога. И до, и после этого все может быть совершенно буднично и обычно: занятия, поездки, беседы. Но вот этот момент останется в памяти навсегда, даже когда человек станет взрослым. Это та ниточка, по которой он снова и снова будет приходить в Церковь, еще и еще раз ища новой встречи.

В широкой социальной работе есть еще один важный аспект. Ведя дело таким образом, православные заполняют основные социальные ниши города. Что это дает? Да это же та самая противосектантская работа! Мы не митингуем, не пишем протесты в городское собрание, мы просто работаем со школами, занимаемся с детьми вне школы, понемногу привлекаем взрослых. Поэтому наша деятельность может кому-то не нравиться из религиозных или безрелигиозных соображений, но не считаться с ней уже нельзя. И привлечь народ к себе сектантам удастся только в одном случае: если они создадут свои альтернативные структуры, лучшие, чем у нас.

В Конаково довольно сильна община иеговистов. В ней около 200 постоянных членов, а это для небольшого города очень много. Но вот что характерно: при всей агитации аудитория, посещающая их собрания, в какой-то момент количественно застыла и не увеличивается. То есть все, кто ищет особых религиозных переживаний, особой экзальтации, уже собрались в одном месте, а агитировать дальше никак не получается. Не в последнюю очередь в этом «виноваты» православные, ведущие широкую социальную работу и собравшие вокруг себя все основные педагогические и творческие силы города.

В том же ключе, я думаю, должна решаться и вся проблема с инославной экспансией в России. Мы должны понять, что просто не имеем морального права атаковать администрацию больницы с требованиями выгнать баптистов из больничных палат, пока не готовы сами предложить больнице лучшую помощь, чем та, которую уже обеспечивают протестанты. И только потом можно идти к главному врачу и говорить о Православной Церкви как единственно истинной, призывая держаться своих исторических корней.

Итак, разобравшись в том, как мы хотим устроить свое воспитательное дело, давайте приступим к следующему, не менее важному вопросу: посмотрим, кто есть пришедшие к нам дети? На что способны, чем интересуются? Слушают популярную музыку? Послушаем ее и мы. Не для того, конечно, чтобы предаться любви и веселью, как призывают рок-кумиры и поп-звезды. Нет. Послушаем, чтобы понять, что в этих песнях более-менее талантливо и не безнравственно. Извлечем это «более-менее ничего» из раздражающей слух ритмики и включим вместе с духовными и народными песнопениями в репертуар детского хора. Совершаем ли мы в этот момент нечто предосудительное в духовном смысле? Конечно, нет! Просто мы не тешим себя иллюзией перетаскать детей за собой сразу через несколько ступенек вверх. Мы как бы подставляем под ноги детей маленькую ступенечку, которая, несмотря на свою малость, хоть немного, но отделит их от вкусов и взглядов толпы. Они на эту ступенечку из интереса взбираются так легко и естественно, что даже этого не замечают, но наиболее грубые проявления в музыкальной культуре при этом остаются позади, тогда как столь важная для детей и подростков форма остается как-будто в неприкосновенности — хор поет современные песни и его участники ощущают свою включенность в современность. И потому мы поем популярные песни. Поем песни о любви, ибо иначе сохранить в целостности состав детей невозможно. Может быть, в какой-то момент для ребенка именно это послужило основанием остаться в нашем православном центре, а не уйти во двор. Если кого-то в нашем центре удерживают популярные песни, что ж, будем рады и этому. Будем пользоваться выигранным временем, будем образовывать детей, будем воспитывать их вкусы, будем демонстрировать им более совершенные образцы музыки и

певческого искусства — все это возможно, но только тогда, когда ребенок каждый вечер сам приходит к нам в центр на занятия, а не нам приходится гоняться за ним с назидательной целью по школам и подворотням. Иначе будет еще одна совершенно оторванная от реальности православная структура и узкий круг в два десятка совершенно неготовых к жизни, рафинированных детей на весь город, которые, к тому же, кичатся своим отличием от всех остальных, своей какой-то особенной избранностью.

У многих родителей и педагогов, недавно пришедших к вере (а недавно пришедшими к вере у нас является подавляющее число прихожан) внутри прочно закрепился особый комплекс «боязни мира». Понять этих людей можно, слишком живы воспоминания о греховных путях, которыми связывал людей мир до обретения ими веры. А потому вполне понятно и максималистическое стремление теперь устроить в своей жизни все иначе, чем было раньше. Из-за этой идеи у многих верующих в семье и на работе разыгрываются настоящие драмы. Многие учителя, много лет отработавшие в обычных общеобразовательных школах, уходят отсюда именно после воцерковления. «Невозможно стало находиться в безбожной среде», — говорят они и во многом даже гордятся этой своей позицией. Совершенно очевидно, как будет воспитывать такой учитель, окажись он в православной школе. Сознательно или бессознательно он будет готовить своих детей к уходу от исполнения своих обязанностей в обществе. Но все ли смогут уйти из мира? Все ли станут монахами? Понятно, что нет. А раз так, мы должны готовить ребенка ко встрече с миром. Нравственно готовить. Взрослые люди, которые окружают его, родители, учителя, уже сделали свой внутренний выбор. Они состоялись как специалисты в своей отрасли, как члены семей. Ребенку же все это только предстоит сделать. Ему еще предстоит обрести свою веру, приобрести собственный духовный опыт. Ему еще предстоит чему-то научиться, где-то начать работать, начать взаимодействовать с другими людьми, в том числе и с неверующими, и с придерживающимися иных религиозных взглядов. Все это потребует от него умения быть в мире, сохраняя в целостности христианские нравственные устои.

Вот в чем я вижу основную задачу для работы Церкви с детьми сегодня. Не нужно ничего ломать и строить заново. Есть детская художественная школа, есть танцевальная студия, есть физкультурные кружки — нужно войти в них! И дети, и педагоги покажут более высокие профессиональные результаты, если обретут духовную поддержку и основу. Мало того, профессиональная деятельность может сильно помочь и самой Церкви. Тот же хор будет петь в Церкви, ребята-художники со временем выучатся иконописи и распишут храм. Образуется очень прочный контакт, в результате которого дети наверняка переосмыслят многие вещи, начнут относиться к вере и Церкви по-новому. Возникнет контакт с родителями, а это очень важно для создания детско-взрослой церковной общины. Нужно сказать, что церковная община является наиболее приемлемой средой для воспитания детей. На сегодня общин у нас, по сути, нет. Мы все только движемся к общинности. Первое поколение людей, пришедших в Церковь, по-видимому, из-за своего внутреннего склада не есть общинные люди. В лучшем случае, это люди команды. Это дети команды. Поэтому самая первая общность, которая доступна верующим на данном этапе — командная общность. Ее-то и нужно формировать. И работа с детьми может сильно помочь в этом. Парадокс — когда организовываем катехизационные занятия со взрослыми — то мало что получается, а когда переносим акцент на работу с детьми — вместе с ними и взрослые идут в храм. На свою душу машут рукой, а вот ради детей могут обратиться за помощью и советом Церкви. И эту тенденцию обязательно нужно использовать. Сегодня многие священники и педагоги отмечают, что родители приходят в Церковь через своих детей. В основном мамы и бабушки, конечно. Пап, как и везде, нет, и это катастрофа. Но радует то, что с ходом времени активность родителей возрастает. Когда мы набрали в капеллу первых 25 девочек, только три мамы оказались активными. Занимались с нами, помогали нам в поездках. А уже следующий набор дал совершенно другие результаты. На 37 девочек 15 активных мам. Это уже существенно.

Заметна и еще одна зависимость: чем младше детей мы набираем, тем больше у родителей желания

сотрудничать с нами, заниматься своими детьми. Поэтому сейчас мы делаем пробные попытки заниматься с трехлетками. Это, конечно, только общеразвивающие занятия, а не серьезная профессиональная работа, но таким образом мы надеемся со временем создать более тесную церковно-семейную общность.

Конечно, при этом потребуется проявить определенную гибкость, лояльность к подопечным. Кто-то воцерковляется, кто-то нет. Одно можно сказать точно: лучше всего вести воспитательную работу не как основную линию, но как дополнение к социально значимой профессиональной деятельности. И думаю, что именно в этом широком миссионерском видении воспитательной работы кроется единственный и до сих пор слабо использованный православными шанс сберечь себя и своих детей, не потерять безвозвратно еще одно молодое поколение.

КАК ПОВЫСИТЬ ВОСПИТАТЕЛЬНУЮ ЗНАЧИМОСТЬ ШКОЛЬНОГО УРОКА

Возрожденной православной школе теперь уже больше 10-ти лет. Срок, вполне достаточный для того, чтобы, взглянув на плоды своей работы, православные священники и педагоги смогли оценить результаты, сделать необходимый анализ и обобщения.

Главное, что произошло в эти годы - бурный рост числа православных воскресных школ, церковно-приходских школ, православных гимназий, других учебных структур, находящихся под окормлением Церкви. Они возникали по всей стране параллельно с возобновлением приходской жизни. Пожалуй, не ошибусь, если скажу, что подобного стремительного роста ни одна школьная система никогда раньше не знала. Достоинно особенного внимания то, что это стремительное развитие системы православного образования пришлось на тот момент, когда государственная школа вместе со всей страной переживали тяжелый идейно-нравственный, экономический и политический кризис.

В первые годы особенно явно чувствовалось, сколь большую роль в становлении возрождающейся церковной школы играет общее воодушевление простых верующих людей. Преподавать в новые школы пришли люди самых разных профессий и судеб, в большинстве своем ранее не занимавшиеся педагогикой или преподаванием, многие из них сами только что пришли к вере. Однако именно их горение, их желание поделиться со всеми своими удивительными открытиями о Боге и Церкви были той движущей силой, которая позволила церковной школе жить кипучей, интересной жизнью. И хотя первые шаги, в большинстве своем, делались наощупь, без какого-либо педагогического опыта, без должного методического и дидактического обеспечения, а скорее по интуиции, все же они были очень нужными и важными. Тогда, вначале, никто даже не пытался сформулировать для себя цели православной школы, концепцию ее построения и подходы к обучению. Первостепенную важность имела только одна задача — помочь воцерковляющимся взрослым и детям обрести утраченные знания о Боге, вере и Церкви.

Но сегодня уже не так. Сегодня от всех православных, связанных с жизнью школы, требуется нечто большее — осмотреться и проанализировать сделанное, постараться устроить свою деятельность на более продуманной, систематизированной основе, использовать в своей работе лучший опыт, который накопила педагогика за свою историю, в том числе и за советское время. За прошедшие годы мы свыклись с мыслью, что религиозное образование в России более не подлежит преследованиям и запретам. Это давно уже не новость. Православная школа вышла из периода светлого и беззаботного детства и сегодня переживает «переходный возраст» — время переосмысления предыдущей работы, обретения духовных и профессиональных ориентиров и ценностей. Но, к сожалению, и сегодня многие преподаватели продолжают работать как будто «по инерции», не задаваясь вопросами, куда они идут в своем профессиональном и духовном развитии сами и куда ведут своих учеников. В церковной среде школа давно и справедливо критикуется за неповоротливость, копирование дореволюционных методов и практик, несоответствие современным условиям жизни, неучет столь характерных для нашего времени искушений и соблазнов, слишком сухое и лишенное радости преподнесение детям вероучительных вопросов. По-видимому, сказывается разрыв церковной школьной традиции и отсюда вполне понятное искушение перенять от русской школы конца XIX-начала XX века одни ее внешние стороны без глубинного осознания сути религиозного образования. Между тем, возрождать старые традиции в современных условиях оказывается куда сложнее, чем создавать новые, хотя, безусловно, и создавать новое вовсе не означает отвергнуть традицию и переделать все на свой манер. Но, увы, в современной православной школе мы наблюдаем примеры обеих крайностей — как чрезмерного консерватизма, так и беспредельной либерализации школы, зачастую граничащей с педагогической анархией. Некоторым педагогам стало казаться, что виною

всему — сам традиционный принцип устройства школы. Возникло отрицание предметной урочной системы, оценок, экзаменов, учебных программ и планов, домашних заданий и тому подобных школьных атрибутов. Но едва ли эти меры можно назвать единственно спасительными и неизбежными в нашей ситуации. Столь крайние реформы хоть и имеют в своей основе благие воспитательные идеи, все же способны привести к нежелательным последствиям — принижению значения обучения в школе до клубно-секционной работы, утере дисциплины, панибратству между учениками и преподавателями, размыванию содержания образовательного процесса. Здесь, как и во всех «революционных ситуациях», мы видим желание справиться с существующими проблемами при помощи чисто внешних приемов, перекрыть все на свой манер — «Мы наш, мы новый мир построим...»

Поэтому в своей статье я хотел бы подчеркнуть, во-первых, острую необходимость активного творческого поиска подходов, позволяющих сделать преподавание живым, повысить приоритет воспитательных задач по сравнению с интеллектуальным обучением, а во-вторых, указать на важность сохранения устоев классической школы при более полном раскрытии заложенного в них воспитательного потенциала. А классическая школа, действительно, обладает таким потенциалом, и его непременно нужно суметь использовать.

Итак, поговорим о воспитательном значении урока и средствах, повышающих его воспитательную ценность.

Оказывать воспитующее воздействие на детей в рамках урока могут 3 основных фактора: личность педагога, преподаваемый на уроке материал, а также форма проведения урока. Рассмотрим каждый из этих факторов в отдельности.

1. Воспитание личностью

Урочная система — не самоцель, не идол, которому раболепно поклоняются. Урочная система должна пониматься инструментально. Что это означает? Урок должен мыслиться как встреча, как повод для встречи детей и педагога. Если дети любят своего учителя, то главное, что происходит во время урока — это сама встреча с ним. Как для робких влюбленных важен любой, даже самый пустяшный повод, чтобы назначить свидание и провести время вместе, так для детей урок может стать чисто внешним обстоятельством, позволяющим побыть рядом с интересным и близким сердцу человеком. Но это, разумеется, возможно лишь при глубоком ответном чувстве педагога к своим воспитанникам. Детское отношение ко взрослому, который представляет собой интересную творческую личность, вникает в интересы учеников, бывает проникнуто удивительным доверием и уважением. В этом случае даже проблемы дисциплины и активного участия детей в уроке могут значительно смягчаться. Дети ценят возможность общения с дорогим для них человеком и очень восприимчивы ко всем его просьбам и замечаниям.

Особенным авторитетом в детской среде пользуются преподаватели из числа священнослужителей. С самых первых шагов дети отдают им свой безграничный кредит доверия, тогда как учителю из числа мирян его подчас приходится добиваться с великим трудом. Поэтому участие священника в школьных занятиях должно занимать одно из ведущих мест в его приходской практике. Сколь огорчительными бывают те случаи, когда священники отказываются вести уроки в церковной школе, оправдывая это своей загруженностью! Действительно, забот у батюшек сегодня хоть отбавляй. Но все же такой отказ чаще бывает связан с непониманием важности той роли, которую играет работа с детьми в жизни Церкви. Урок способен стать совершенно особым моментом в духовнической и воцерковительной деятельности священника. Встреча детей с батюшкой в условиях школы предоставляет гораздо больший простор для их «детских вопросов», тогда как в условиях храма

полноценное внимание детям уделить зачастую бывает некогда. Детские голоса как бы тонут в окружающей их «взрослой» обстановке прихода. В школе, напротив, батюшка всецело настроен на общение с детьми. А уж если Господь почтил такого священника педагогическим даром — блаженны те дети, которым посчастливилось быть его воспитанниками. Личность батюшки-преподавателя производит на детскую душу столь сильное воздействие, что полученное впечатление сохраняется надолго и становится прочной основой уважительного отношения к Церкви и ее служителям во время всей взрослой жизни человека. Во многих случаях такой урок для ребенка является единственной возможностью восполнить недостающее общение с отцом. Вспомним, ведь многие семьи живут вовсе без отцов, а часто бывает, что отец, формально оставаясь в семье, строит свою жизнь в стороне от семейных интересов, не разделяет религиозного чувства матери и детей, ведет себя неподобающим образом, часто пьет, разрушая таким образом семейную общность. А дети чувствуют в священнике своего духовного отца еще острее, чем взрослые.

Воспитание личностью есть воспитание своим примером. Дети поразительно внимательны и чутки даже к самым мельчайшим деталям человеческой природы. Характерные речевые обороты, манеры, привычка одеваться — все это в тонкостях подмечается детьми. Младшие школьники, склонные к идеализации образа учителя, будут стремиться перенять эти черты. Старшие школьники бывают настроены к ним более критически, и из-за этого авторитет и доверие к педагогу могут существенно снижаться. Потому взрослые, которые работают с детьми, должны постоянно соблюдать особую аккуратность в словах, манерах и поступках. Но не нужно вместе с тем думать, что под воспитанием личностью подразумеваются какие-то особые, редко встречающиеся гениальные педагогические дарования. Педагог должен стремиться к максимально полному раскрытию всех своих положительных сторон. Быть личностью не означает быть снобом и задавакой, демонстрировать свое какое-то особенное превосходство перед детьми. Нужно уметь привносить в класс себя. Именно себя, а не кого-нибудь другого. Ошибка многих заключается в том, что, входя в классную комнату, они становятся как бы другим людьми, изображают из себя того, кем в действительности не являются. Такому педагогу дети будут отвечать тем же лицемерием. Разрыв между требованиями к детям и теми принципами, по которым живут сами взрослые, приводит к самым печальным последствиям. Как дома, так и в школе дети начинают понемногу замечать, что воспитание и жизнь — две совершенно разные вещи. Родители и преподаватели позволяют себе поступать в жизни вовсе не так, как об этом учат. А раз так, воспитание начинает восприниматься детьми не как передача взрослыми своего опыта, но как специфически детская тема, которая ко взрослому миру не имеет никакого отношения. Дело даже не в том, что своим поведением учитель может подорвать доверие к себе. Изменится детское отношение к самому предмету, который преподает такой учитель. И особенно прискорбно, если таким предметом окажется Закон Божий, Библейская история или нравственное богословие. Уча детей основам христианских добродетелей, мы сами должны являть пример этих добродетелей или, по крайней мере, стремиться к ним.

Дети должны видеть в своем учителе человека. Если с ним случилось несчастье — пусть дети сопереживают этому несчастью, если произошло радостное или знаменательное событие — пусть сорадуются вместе со своим учителем, если в его беде можно чем-то помочь — пусть проявят инициативу и все вместе помогут исправить ситуацию. Не нужно постоянной «помпы» и официоза, не нужно бояться показаться детям слабым и сомневающимся — дети обладают удивительной способностью любить человека таким, каков он есть. Напротив, в определенных случаях может оказаться полезным изменить план урока и вместо именительного и родительного падежей преподавать детям совсем иное — свой образ отношения к случившемуся несчастью или неурядице, порассуждать вместе с детьми, как должно принимать христианину подобные скорби и искушения и как далеки от заповеданного Христом совершенства мы, называющие себя Его учениками. Если обстоятельства требуют того, можно и должно суметь вовремя и к месту извиниться перед кем-то из своих

подопечных, хотя и не акцентировать детское внимание на таких затруднительных положениях, ибо долг каждого взрослого, воспитывающего детей, заключается не только в том, чтобы поступать по совести, как это стараемся мы делать в отношениях с другими взрослыми, но и в том, чтобы охранять благословленную Богом и принятую в школе иерархию подчинения младших старшим, некоторую дистанцию и преимущественные права учителя по отношению к ученику. Особенно необходимо этого избегать преподавателям-священникам, ибо снятие естественного барьера между иереем Божиим, освященным благодатию рукоположения, и мирянами (а тем паче детьми), узнавание в нем лишь «обычного человека с такими же, как и у всех, слабостями», лишает ребенка благоговейного восприятия вероучительных понятий и самой церковной жизни, что, конечно же, является совершенно недопустимым педагогическим просчетом.

Очень важно учитывать и возрастные различия в понимании детьми авторитета взрослых. Если малыши 6-8 лет приходят в школу еще «тепленькими» прямо из-под маминого «крылышка» и сами льнут ко взрослым, то 9-12-летние более требовательны и разборчивы в своих предпочтениях. Они склонны воспринимать авторитетными тех педагогов, которые много знают и умеют об этом интересно рассказать. Начиная с 12-13 лет эта ситуация сильно меняется. Ключевыми факторами подросткового уважения становятся навыки и умения взрослых, их готовность видеть в подростках серьезных собеседников и помощников в делах, знание явлений современной жизни.

По ходу взросления детей полезно постепенно вводить принципы раздельного образования для мальчиков и девочек. Такое разделение не обязательно должно быть строго формальным — по разным комнатам и сменам. Просто состав занятий для мальчиков и девочек старшего возраста должен существенно различаться. К тому же, воспитанием юношей должны заниматься прежде всего педагоги-мужчины, а девушек — женщины.

И еще раз обращаю внимание на наиболее существенное: если педагог искренне любит детей, отдает им себя без остатка, стремится к живому контакту душ, видит их личности как отражение образа Божия, в этом случае предметная урочная система получает новые силы и возможности. На первый план выходит воспитательное воздействие личности педагога, а формальные рамки урока служат лишь оболочкой для общения учителя с классом.

2. Содержание материала

Немаловажную воспитательную роль играет и содержание материала, который подается на уроке. Нужно заметить, что восприятие детьми преподаваемого материала даже за последние 3-4 года сильно изменилось. Шести-семилетки сегодня, хотя только что пришли из семьи, демонстрируют почти исключительно логическое, рациональное восприятие учебной информации. Чистое и непосредственное понимание окружающего мира, которое мы привыкли называть детской верой, теперь ограничивается, в основном, 4-5 летним возрастом. К моменту поступления в школу ребенок уже имеет стойкую привычку просеивать все получаемые сведения через сито рассудка, являясь, таким образом, самому себе единственным критерием истины. Поэтому педагогу в наши дни несравненно сложнее прививать детям понимание прагматических нравственных и духовных понятий.

В чем причина столь сильных изменений, происшедших в детской душе? Ведь эти дети едва вышли за пределы семьи и во многих случаях тщательно оберегались от какого-либо постороннего влияния. Нельзя, конечно, отрицать сильного влияния средств массовой информации и образцов современной массовой культуры. Газеты, радио, телевидение, вкупе с детскими книжками и игрушками, неизбежно приводят, так сказать, к унификации душ и умов. Но во многих православных семьях детей ограждают от телевизора (или, по меньшей мере, ограничивают время его просмотра), компьютерных игр и

трансформеров. И, несмотря на это, дети, воспитанные по таким принципам, не являются собой особого отличия от сверстников. Значит, истоки этой проблемы нужно искать в семье. Дух века сего, увы, проникает в отношения даже воцерковленных родителей, находит себе благодатную почву даже в христианском доме. Мало осталось семей с той простотой отношений и взаимным доверием, которые могут дать ребенку пример жизни не по одному только холодному рассудочному расчету. Доверие — это уверенность в ближнем. А христианскую веру Апостол Павел определяет как «уверенность в невидимом». Доверие по отношению к людям и вера в невидимого Бога, таким образом, оказываются очень тесно связанными. Отсутствие в семье атмосферы открытости и доверия неизбежно приводит к тому, что способность верить в ребенка остается неразвитой. Он отлично чувствует, есть ли доверие в его семье, умеет ли его мать и отец принимать на веру слова друг друга. И если он не находит примеров веры и доверия в своих родителях, то эти категории остаются для него непознанными. В этих условиях совершенно не удивительно, что такой ребенок не доверяет тому, о чем рассказывает учитель.

Изменить направленность ребенка на рациональное восприятие мира в условиях урока сложно. Гораздо лучше этой цели соответствуют внеклассные и внешкольные мероприятия: выезды за город, походы, паломничества, совместный труд. Что такое близость и взаимное доверие, дети лучше всего понимают, когда становятся необходимыми взаимопомощь и умение решать задачи сообща. Однако и на уроке учитель может излагать учебный материал так, чтобы поощрять в детях прежде всего нравственные и эстетические чувства, а не эрудицию и логику. Громадные резервы для этого заложены в школьные предметы гуманитарного, естественно-научного и религиоведческого циклов.

Возьмем для примера географию. Как обычно преподают географию в школе? Отрывочно. «Дети, в этой четверти мы будем проходить Африку». Да за это время немудрено забыть о существовании других континентов! Представляете, ни Европы, ни России на это время как будто не существует. А значит, не существует и нас самих. Кто же тогда и для чего Африку изучает?

Но ведь география — дивная наука! С ее помощью человек может сделать одно из величайших открытий — познать величие мира и его мудрое и прекрасное устройство. А красота вовсе не в калейдоскопическом многообразии, как, вероятно, считают авторы школьных учебников. Красота в цельности, в единстве и взаимосвязи явлений. Так вот и нужно на каждом уроке географии говорить об этом удивительно цельном мире и о том месте, которое занимает в нем каждый из нас. А из этого возникает разговор, рождаются вопросы. И эти детские вопросы, не отменяя учебной программы, наполняют каждый урок новым содержанием.

Вообще, на мой взгляд, противопоставление задач обучения и воспитательных задач совершенно искусственно. Таким же искусственным образом наука некогда была противопоставлена религии. Но ведь действительных противоречий между ними нет! Нужно говорить не об антирелигиозной сущности науки, а о потере человеком целостного восприятия мира, разрыве между духовным и интеллектуальными путями познания. И потому каждый преподаватель, если он человек действительно верующий, должен непрерывно искать религиозную составляющую в той науке, которую он преподает детям. Таким образом могут преподаваться даже точные науки, ибо и через них дети могут открыть для себя закономерности, лежащие в основе мироздания.

Второй очень важной задачей в преподавании детям учебного материала является непротиворечивость, согласованность и взаимодополняемость сведений, получаемых детьми из различных курсов. То есть преподаватели-«предметники» всегда должны иметь в виду, что проходят дети в данный момент по другим дисциплинам и, по возможности, протягивать от одного учебного курса к другому связующие ниточки, которые позволили бы ученикам воспринять материал целостно и уяснить основные мировые закономерности в контексте православного, а не позитивистского или, тем более, оккультного мировоззрения. Прекрасным воспитующим средством являются аналогии и параллели. В детях очень развито образное мышление, поэтому символические и аллегорические

способы передачи понятий могут помочь объяснить детям смысл многих духовных понятий, с трудом поддающихся формальному словесному описанию.

«Бог есть Любовь», — эту фразу без труда заучат и повторят вам даже в самом младшем классе. Но что она означает, едва ли кто из детей понимает глубоко. Как объяснить детям эту непостижимую Божественную любовь? Вполне уместно будет привести аналогию с любовью родительской:

«Что чувствуете, вы, дети, когда находитесь рядом с любящими родителями? — Мир, покой, радость. А что происходит с вами, когда вы внезапно оказались вне родительской любви и защиты? — Страх, чувство одиночества, растерянность. А как вы думаете, ребята, переживают ли такие чувства дети-беспризорники, не имеющие дома и родителей? Наверно, нет. Они давно забыли о том, что такое материнская или отцовская любовь.

Вот так же и в отношениях человека с Богом. Верующий человек, в душе которого обитает Бог, ощущает мир, покой и радость. А если теряет эту связь с Господом, сразу же чувствует свою утрату, остается беззащитным и одиноким, старается всеми силами восстановить связь со своим Творцом. Правда, есть люди, которые привыкли, подобно детям-беспризорникам, жить без Бога-Отца. Они не понимают своей утраты и внешне даже стараются казаться счастливыми и довольными своей жизнью. Но хотели бы вы, ребята, быть такими людьми, обделенными любовью и забывшими о ней? Уверен, что нет. Все вы, даже не видя Всевышнего своими телесными очами, хорошо знаете, как много благ подает Он верующим христианам!»

И здесь мы вплотную подходим к еще одному очень важному моменту. При подборе и изложении учебного материала на уроке будет великой и непростительной ошибкой скрыть от детей факт реальности человеческого счастья. Часто детей учат: «Если вы будете делать то-то и то-то, то в жизни вечной...» Слова эти слабо доходят до детских умов и сердец. Ведь они земную жизнь еще не успели постигнуть, а слова «в жизни вечной» или, тем более, «в жизни за гробом» понимаются ими почти как «никогда». Необходимо открывать им, что радость и счастье возможны не только в далеком будущем, но даже сейчас. То есть, с одной стороны, христианин при помощи Божией может находить решения в самых затруднительных ситуациях, а с другой стороны, верующий человек может чувствовать себя радостным и счастливым, испытывая любые трудности. Радость эта происходит от того, что христианин — человек цельный. Он умеет преодолевать себя, он умеет покаянием сбрасывать с себя груз грехов и узы страстей. В нем нет такого разрыва между мыслью, словом и делом, который тяготит человека неверующего. Христианин видит, думает, чувствует и делает одно и то же, он честен перед своей совестью, перед людьми и перед Богом и это ощущение чистой совести дает внутренний мир и покой его душе. В нем нет той беззащитности перед скорбями, которая отличает людей, отвергающих Бога, ибо верующий человек в любых обстоятельствах чувствует себя в руках Божиих.

Полезно бывает на примерах продемонстрировать детям, кто бывает счастлив, а кто нет, и что именно приносит человеку счастье. Это можно сделать, пересказав детям фрагменты житий святых, биографий благочестивых мирян, а также приведя на память детям противоположные образы людей мира сего, имеющих власть, славу и богатство. Здесь одна из основных воспитательных задач урока — дать детям возможность сделать для себя выводы из примеров жизни других людей. И под рукой у преподавателя всегда должен быть определенный багаж таких примеров, которые в нужный момент можно было бы использовать.

В объяснении положительных и отрицательных явлений современной жизни православная школа должна работать «на опережение», первой преподнося детям духовные оценки того, что они видят вокруг себя. Давая такие оценки, необходимо учитывать различия в отношении учеников к этим явлениям в зависимости от степени вовлеченности в них детей:

1. Ученик знаком с негативным явлением, оно его интересует, но пока что этот интерес

умственный, а не страстный. «Это тебе нельзя, ты еще мал для этого»— слышит он от взрослых о спиртном или сигаретах, но понять причины запрета не может и потому ищет для себя таких объяснений, хотя и верит в то, что «этого ему пока нельзя»;

2. Ученик более вовлечен, уже имеет греховную привычку или интерес, но не выработал своего устойчивого отношения к этому явлению и потому склонен «коллекционировать» мнения взрослых по этому поводу. Примеры: телевизор или карманные электронные игры.

3. Ученик (а это, скорее всего, уже подросток) в сильной степени вовлечен во что-то, и это увлечение в сильной мере определяет его мировоззрение. На первый план ставятся ценности подростковой среды, массовой молодежной псевдокультуры. Подросток имеет широкие приятельские контакты в этой среде, придерживается принятых правил поведения, атрибутики и символики. К таким сильным пристрастиям можно отнести увлечение современной техно- и рок-музыкой, участие в неформальных объединениях рэйверов, панков и т.п., а также длительные занятия в секциях восточных единоборств.

В подборе и изложении материала учитель обязан учитывать особенности всех этих категорий. Если с детьми первой группы возможен подробный, обстоятельный разговор о причинах, побуждающих людей употреблять, к примеру, спиртное или табак, и духовных последствиях этих привычек, то с возрастом зараженности ребенка грехом рациональные объяснения становятся неэффективными. Дети воспринимают все аргументы учителя как назидание и даже стремятся поступать наперекор назойливым советам. Поэтому в борьбе против телевизора и электронных игр более действенной может оказаться сказанная к месту одна-единственная меткая реплика или шутка.

Наиболее сложным в педагогическом смысле случаем является работа с учениками, прочно заседевшими в некоей молодежной «тусовке». Взрослый ничего не добьется и просто оттолкнет от себя подростка, если будет находиться с ним по разные стороны ценностного барьера. Разговор в этих условиях возможен только в том случае, когда педагог способен на какое-то время «влезть в шкуру» своего собеседника, отнестись если не с уважением, то хотя бы со снисхождением к его заблуждениям и слабостям, говорить на понятном ему языке. Другими словами, воспитательного эффекта можно добиться только тогда, когда и взрослый, и школьник стоят по одну сторону барьера, а не перебрасываются через эту преграду отдельными фразами.

В завершение разговора о подборе и изложении учебного материала приведу еще одно существенное замечание: преподаваемый материал, особенно если это материал религиозной дисциплины, обязательно должен иметь практическую ценность и применимость к жизни учеников. Если учитель не способен изобрести что-нибудь лучшее, чем «когда вы вырастаете, вы обязательно поймете или сделаете...»— это означает его полное педагогическое фиаско. Ценность всего ранее преподаваемого на уроке после такого беспомощного заявления исчезает начисто. «Не знаю, что будет, когда я вырасту, — услышав это, думает ученик, — но знаю, что сегодня это мне ни к чему». То же самое и в отношении любого учебного материала. Если рассказ о библейских событиях будет построен по энциклопедическому принципу, и это будет нечто вроде «Клуба кинопутешествий», то мало поучительного смогут вынести для себя из такого урока дети. Совсем другое дело, если на первый план в рассказе выдвигаются личности библейских героев, люди с их характерами и поступками. В этом случае ученики смогут узнавать в учебном материале самих себя и свои жизненные ситуации: «Вот Авраам, вот Исаак, вот Иаков, вот Рахиль, вот обман, как кажется, с благой целью, а вот и расплата за обман. Посмотрите, ребята, ведь это та же ваша ссора на перемене! Наблюдая за ней, мне с печалью пришлось подумать о том, что и в наш просвещенный век многие люди ведут себя совсем так же, как 3000 лет назад. Я не случайно назвал наш век "просвещенным"! Как вы думаете, почему? (дети высказывают различные предположения) Правильно! Не потому, что люди в наше время стали летать в космос, смотреть новости по телевизору и играть в шахматы с компьютером. Мы просвещены

духовным светом Христова Воскресения и Нового Завета! После великих евангельских событий каждому, живущему на земле, Бог даровал могучую силу, позволяющую побороть в себе грех. Эту силу имеем в себе и мы с вами, если, конечно, сами не отвергаем от себя этого дивного дара. Но, увы, иногда, глядя на ваши отношения между собой, приходится просто недоумевать: где это мы с вами? В православной школе или в очередной серии телевизионной "мыльной оперы" "Санта-Барбара"? (общий смех). Давайте-ка посмотрим, какие неприятности, происшедшие в нашем классе за последнее время, оказываются похожими на те или иные библейские эпизоды? (Вместе вспоминаем, но без подробностей, влекущих за собой осуждение). Право же, я думаю, что и Богу, и вам, и мне удивительно и неприятно видеть эти сходства».

3. Воспитательные возможности, заложенные в форме проведения урока

Как можно изменить форму проведения урока, чтобы сделать его более эффективным в воспитательном отношении? Очевидно, перейти от лекционного монолога, как минимум, к диалогу между учителем и отвечающим учеником, а в лучшем случае, построить урок как коллективную творческую работу. Значит, во-первых, нужно учеников «разговорить», пробудить в них интерес к открытому общению и высказыванию своих взглядов, поиску истины, а, во-вторых, в процессе такого открытого общения способствовать внутренней работе ребят по осмыслению своей позиции, самоанализу, сравнению и обобщению своих взглядов и взглядов других людей, уважению личностных особенностей и мировоззрения собеседников. То есть пробудить учеников самостоятельно мыслить и формулировать свои мысли, а не только пассивно принимать информацию, предлагаемой учителем.

Как может выглядеть такая коллективная работа? Чтобы привести пример, вернемся к описанной выше аналогии отношений человека с Богом через отношения между ребенком и родителями. Представим себе, что учитель просит каждого из учеников рассказать случай, когда он, еще будучи дошкольником, терялся и оставался на улице, в метро или на вокзале без родителей. Для ребенка 6-8 лет справиться с таким заданием не только по силам, но даже очень интересно. У каждого найдутся в памяти подобные случаи и переживания. В начале, может быть, дети будут стесняться, но вслед за двумя-тремя смелыми одноклассниками свои истории захотят рассказать все! От этих историй просто отбою не будет! Перед учителем встанет другая задача: как удержать этот непрерывный поток детских впечатлений и перевести работу в русло выводов и обобщений. Желательно, чтобы эти выводы (уже в виде духовных образов и понятий) были сформулированы самими детьми, а участие учителя было лишь направляющим, не очень явным. В воспитательном смысле важно также добиться того, чтобы дети слышали друг друга, а не были заняты исключительно своими мыслями. Можно, к примеру, спросить одного ученика, что наиболее запомнилось и показалось важным в рассказе другого его одноклассника, или попросить детей стать на другую точку зрения и представить себе, какими словами могли бы они утешить потерявшегося на улице маленького мальчика или девочку. Затем собрать отдельные предложения воедино и сравнить их, к примеру, с посланиями Апостолов — пастырей Церкви Христовой, которые всегда носили Господа в своих сердцах и горели отеческой любовью и состраданием ко всем людям, не познавшим Господа или уклонившимся с Его путей и блуждающим подобно малым детям в поисках утешения и приюта. Уверен, что и слова учителя, подводящие итог уроку, в этом случае будут звучать для детей совершенно по-особому, оставят в их душах неизгладимый отпечаток.

Подобным образом может строиться в классе работа и по другим дисциплинам. Однако необходимо помнить, что в заданиях, рассчитанных на сообразительность, быстроту реакции, эрудированность, слабеньким ребятам не под силу спорить с более сильными и активными товарищами. Скорее всего, класс должен быть разделен на 3-4 группы по уровням, и каждой из них

должно быть предложено свое особое, рассчитанное на этот уровень, задание.

Такому же творческому переосмыслению могут подвергнуться и другие непреходящие атрибуты школы: оценки, экзамены, дисциплинарные меры и взыскания. Некоторые педагоги ставят под сомнение саму их необходимость, но должно все же избегать «революционных» крайностей. Система контроля знаний, также, как и дисциплинарная система, должны сохраниться. Изменения требует совсем другое — отношение к ним педагогов. Эти понятия должны перестать пониматься как некие кумиры и стать тем, чем им должно быть, — нормальными инструментами педагогической деятельности. То есть, 5-бальная шкала оценки знаний может остаться как основа[§], но пусть при этом она приобретет иное звучание. Ведь с помощью отметки можно не просто констатировать факт знания или незнания учеником материала, но отмечать усердие, прилежание ученика. Разные дети имеют различные способности к предметам. То, что одному дается большим трудом, для другого может оказаться сущим пустяком и ему не потребуются никакого усилия для подготовки. О чем тогда будут говорить «тройка» первого ученика и «пятерка» второго? Первый, возможно, потратил целый вечер на то, чтобы выучить свой ответ хотя бы на таком «удовлетворительном» уровне. Оценив его формально, учитель тем самым скажет ему следующее: «Учи, не учи — все равно ты глуп и никогда глупым быть не перестанешь!» А другому: «Ты гениален и потому, как бы ты не относился к своему труду — все равно ты всегда будешь на высоте!» Вот так воспитание!

Не должны также появляться в журнале или таблице оценки, никак не прокомментированные учителем. Ученик должен хорошо понимать, за что именно так оценены его знания и что этим хочет сказать учитель на будущее. Оценка должна не столько отражать действительность (ибо, как мы знаем, с помощью отметки в журнале действительность вообще запротоколировать невозможно), сколько стимулировать ученика к более упорному труду. Иногда бывает важно изменить подходы к оценке знаний в зависимости от психологического или духовного состояния воспитанника. В унынии человеку бывает особенно необходима поддержка, а в гордыне полезен неожиданный провал. Конечно, при такой постановке вопроса учителю необходимо очень внимательно относиться к детям, быть особенно ответственным и осторожным. Но если педагог не напрасно именуется этим высоким словом^{**}, он не сочтет этот труд ненужным и обременительным.

Похожим образом можно поступать и с вопросами дисциплины. Многие преподаватели, в частности, очень болезненно переживают подсказки и списывания на уроках. Действительно, в учебном процессе, ориентированном на интеллектуальное знание, эти способы неформального сотрудничества учеников в значительной мере влияют на картину урока. Одна удачная подсказка может изменить оценку отвечающего ученика с «неудовлетворительно» на «отлично». Но не так обстоит дело в той школе, где приоритетами служат воспитательные задачи и глубокое понимание сути преподаваемого материала. Подсказка здесь играет совсем другую роль.

Во-первых, подсказкой тоже нужно уметь воспользоваться. Меня, как преподавателя, иногда приводит в восторг виртуозное владение подсказкой иного ученика. Явно видишь — человек даже не читал ничего дома, но каждое пойманное им слово заставляет весь ум и волю мобилизоваться до того, что прямо у доски, на глазах у всех, рождается изумительное по своей красоте произведение мысли и слова. Сравнить такую титаническую работу с полутора-двухчасовой домашней зубрежкой, конечно же, невозможно. Уверен и в том, что, спросив такого ученика вторично, я наверняка услышу от него глубокий и аргументированный ответ. Совсем не то, что от «зубрильщика», который уже к следующему уроку выучит наизусть очередной отрывок, а о предыдущем благополучно забудет. Во-вторых, нужно помнить, что инициатива на уроке все-таки принадлежит учителю. В полной его власти

[§] По предметам религиозного цикла 5-бальная шкала должна быть заменена на более простую систему оценки: «зачет-не зачет», «сдал-не сдал» и т.п.

^{**} παιδαγωγός (греч.) — детоводитель.

— изменить постановку вопроса таким образом, чтобы подсказка, давая отвечающему верные ориентиры, одновременно с этим не подменяла собой ответа. Если отвечающий по-настоящему понимает тему урока, для него не составит труда ответить на побочный или уточняющий вопрос, если же такого понимания нет, то внимание учителю необходимо уделить не факту подсказки, но самому себе и постараться найти более живые и наглядные способы изложения учебного материала.

Хотя, разумеется, не стоит во всем потакать ученикам и позволять им вести себя на уроке неподобающим образом. Учитель должен выработать некий «санитарный» уровень, ниже которого никакие «шевеления» в классе не замечаются, а выше которого следует мгновенная учительская реакция. С другой стороны, нужно не перестараться в дисциплинарных мерах, не выйти на ту «критическую точку», за которой острота и восприятие внушений и наказаний теряется и дисциплинарные меры не достигают нужного эффекта.

Таковы, в основном, мои соображения о воспитательной роли урока. В данной статье я не ставил целью осветить все возможные стороны жизни православной школы, ибо такое рассмотрение было бы чрезвычайно объемным. Скажу лишь, что летние лагеря, праздники, паломничества, дела милосердия, организованные школой, освоение ремесел и вообще ручной труд предоставляют поистине безграничные возможности для проявления педагогических идей и талантов. Нужно отметить и то, что высказанные здесь мысли о путях повышения воспитательной ценности урока далеко не исчерпывают всего спектра возможностей. Это лишь скромная попытка изложить на бумаге мой собственный опыт. Однако, искренне надеюсь, что, милостью Божией, эти заметки могут сослужить кому-то добрую службу или побудить к поиску своих решений. Буду рад дополнениям и замечаниям в мой адрес.